

Олег Смыслов

ПРЕДАТЕЛИ И ПАЛАЧИ

1941–1945

АНТОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Антология предательства

Олег СМЫСЛОВ

Предатели и палачи. 1941-1945

«ВЕЧЕ»

2013

Смыслов О. С.

Предатели и палачи. 1941-1945 / О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Антология предательства)

ISBN 978-5-4444-7975-9

Как известно, во все времена предательство осуждалось абсолютным большинством религий как великий грех или самое страшное нарушение табу. До сих пор оно порицается морально-нравственными законами общества. Нарушение верности, присяги, воинского долга, оставление в беде товарища и друга – всё это мы называем не иначе как предательством. Однако не во всех случаях факты измен трактуются в обществе однозначно. В книге О.С. Смылова «Предатели и палачи» читатель найдет прежде всего историю о том, как генерал Власов стал вождём так называемого Русского освободительного движения. Рассказ о роли и месте Андрея Андреевича в битве за Москву, а также о его «полководческих» способностях и методах управления войсками значительно дополняет эту историю предательства новыми, ранее неизвестными документами и свидетельствами. Следующие «герои» – двое «инициативников» из ГРУ (подполковник Попов, генерал Поляков), перебежчик из КГБ (капитан Дерябин), палачи Мироненко-Юхновский, Антонина Макарова, генерал юстиции Ульрих, а также старушка из Гатчины, по недоразумению реабилитированная в 2002 году.

ISBN 978-5-4444-7975-9

© Смыслов О. С., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

От автора	5
Как Власов стал вождём «Русского освободительного движения»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Олег Смыслов

Предатели и палачи

*Светлой памяти моего друга
Анатолия Фёдоровича Нистряна
посвящается...*

От автора

Продолжая тему, начатую в книге «Иуды в погонах», мы снова возвращаемся к персоне бывшего генерала Власова. На этот раз – это история о том, как советский военачальник-предатель стал вождём так называемого Русского освободительного движения (РОД). Рассказ о курсах «Выстрел», на которых довелось учиться Андрею Андреевичу в 1929 г., о роли и месте Власова в битве за Москву, а также о его «полководческих» способностях и методах управления войсками, значительно дополняет её новыми, ранее неизвестными документами и свидетельствами. Отдельное место в этой истории занимает подлинная биография одной из центральных фигур РОД – Милетия Зыкова.

Двое «инициативников» из ГРУ (подполковник и генерал-майор) и один перебежчик из КГБ (майор) – все они участвовали в Великой Отечественной войне и имели боевые награды. Истории их предательства написаны не раз, и всё-таки какие-то штрихи к этим портретам приоткроют совершенно новые факты их биографий.

Следующие «герои» – обыкновенные, если так можно сказать, палачи из нашего недалёкого прошлого, а также старушка из Гатчины, по недоразумению реабилитированная в 2002 г. Это совершенно разные истории, разные судьбы, которые, возможно, заставят задуматься о человеческой нравственности даже самых равнодушных людей.

Как Власов стал вождём «Русского освободительного движения»

1

Через несколько лет мы будем отмечать очередной юбилей Великой Победы – 70 лет! Казалось бы, история Великой Отечественной войны в целом написана, ясна и понятна. Но, безусловно, белые пятна ещё остаются. Причин тому превеликое множество. Среди них можно отметить и одну из приоритетных: диаметрально противоположные точки зрения на одни и те же события. Безусловно, касается это и некоторых исторических персон, по поводу которых споры всё ещё продолжают будоражить наши умы, между тем запутывая, прежде всего, молодое поколение, которому весьма непросто сегодня разобраться в хитросплетениях той, далёкой для него эпохи.

Например, о бывшем советском генерале А.А. Власове, несмотря на многие очевидные факты его предательства, дискуссии и споры с невиданным упорством продолжают до сих пор. Более того, если его поклонники в былые времена в основном проживали на Западе, то с развалом Советского Союза они появились и в России. Судя по всему, их количество растёт. И растёт оно, к великому сожалению, из-за непонимания очевидного: предательство во все времена и во всех странах по сей день трактуется одинаково. Однако для предательства Власова ещё тогда, когда он тесно сотрудничал с немцами, было найдено «неплохое» тому оправдание под названием «Русское освободительное движение». В сущности, никакого такого движения не было, однако работа немецкой пропагандистской машины оказалась живучей вопреки историческим фактам и благодаря советской государственной системе, которая собственными руками взрастила такого посредственного «военачальника» и дала повод для оправдания его иудиного греха.

В 1946 г. Власов и его, так скажем, сподвижники были приговорены к смертной казни через повешение, а в 2001 г. с ходатайством о пересмотре приговора Власову и его соратникам в Главную военную прокуратуру обратился иеромонах Никон (Белавенец), глава движения «За Веру и Отечество». Однако военная прокуратура пришла к выводу, что оснований для применения закона о реабилитации жертв политических репрессий нет.

1 ноября 2001 г. Военная коллегия Верховного суда РФ отказала в реабилитации Власова А.А. и других, отменив приговор в части осуждения по ч. 2 ст. 58 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и прекратив в этой части дело за отсутствием состава преступления. В остальной части приговор оставлен без изменения»¹.

Несмотря на это, поклонники Власова капризно утверждают, что Власов и те, кто присоединился к Русскому освободительному движению, «были движимы патриотическими чувствами и остались верными своей родине, но не своему правительству». Один из приводимых аргументов в пользу данной точки зрения выглядит следующим образом: «если государство предоставляет гражданину защиту, оно в праве требовать от него лояльности, если же Советское государство отказалось подписывать Женевское соглашение и тем самым лишило своих пленённых граждан защиты, то граждане более не были обязаны сохранять лояльность государству и, значит, не были изменниками»².

¹ Википедия: Власов Андрей Андреевич. Интернет.

² Там же.

По справедливому мнению историка М.И. Фролова, попытки героизации А.А. Власова могут привести к весьма опасным последствиям:

«– Стремление к пересмотру итогов Второй мировой войны, в частности, к обесцениваю соглашений, достигнутых странами-победительницами на Ялтинской и Потсдамской конференциях, на Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками, к пересмотру подтверждённых Генеральной Ассамблеей ООН (11.12.1946) принципов международного права, признанных Уставом трибунала и нашедших выражение в его приговоре. Тем самым могут быть достигнуты различные негативные для России геополитические, идеологические и финансовые последствия.

– Оправдание коллаборационизма в других странах (в частности, в Прибалтике и на Украине), стремление найти морально-психологическое оправдание поступкам антирусских политических деятелей и сил, а также формирование общественного сознания, признающего правильный сепаратизм.

– Изменение ценностных ориентиров в обществе, стремление убрать источники позитивного самоощущения народа, обесценив победу в Великой Отечественной войне с помощью понятий “измена – доблесть”, а “трусость – героизм”».

Историк тысячу раз прав, когда говорит, что «представлять предателя Власова, коллаборационистов “в роли” борцов за Россию, за русский народ не что иное, как недостойная с нравственной точки зрения потуга, сознательное, преднамеренное извращение фундаментальных ценностей российского общества – патриотизма, любви к Родине, беззаветного служения интересам её народа»³.

И тем не менее на сегодняшний день вопрос: «изменил генерал Власов государству или всё-таки Родине?» некоторые поклонники Власова называют ключевым⁴. Одним из таких можно назвать московского учителя истории, который считает, что «в нашей стране живут потомки тех, кто погиб или пострадал от рук чекистов в годы красного террора и последующих тотальных репрессий, включая и искусственный голодомор, развязанных большевистской номенклатурой против народ России. Поэтому хочу ещё раз напомнить, что фигуру генерала Власова и борьбу РОД нельзя рассматривать в отрыве от того, что происходило в нашей стране, начиная с 1917 г.»⁵.

Однако какое отношение к Власову имеют тотальные репрессии? Как раз таки бывшему заместителю командующего фронтом на них грех было жаловаться, так как именно в период репрессий у Власова появилась возможность выдвижения на тот самый верх, откуда он и попал в плен. Случилось это, как известно, в июле 1942 года...

В книге «Мифы о генерале Власове» её автор К.М. Александров пытается в очередной раз доказать нам в том числе и то, что Власов не был предателем. Для этого у историка есть свои, как он считает, весомые аргументы. Давайте ознакомимся с ними обстоятельно.

«Утром 13 июля, – пишет Александров, – Швердтнер и Пельхау доставили Власова и Воронову в штаб 18-й армии группы армий “Север”, размещавшийся на станции Сиверская (Красногвардейский район Ленинградской области). Здесь с Власовым выразил желание познакомиться командующий армией.

Знаменитая встреча с Линдеманом напоминала скорее не допрос, а спокойную беседу, в которой речь шла о боях на Волхове в предыдущие два месяца. Об этом свидетельствуют малоизвестные показания бывшего кадрового сотрудника Ис штаба 18-й армии зондерфюрера Франца Тондорфа, уроженца Санкт-Петербурга, 1894 года рождения. В 1949 году в Ленинграде Тондорф допрашивался сотрудниками УМГБ по Ленинградской области о методах

³ Там же.

⁴ Кудряшов В. Закончится ли спор о генерале Власове? История, № 9, 2005 г.

⁵ Там же.

работы и деятельности немецкой военной разведки в годы минувшей войны. Зондерфюрер присутствовал при беседе Линдемана и Власова 13 июля 1942 года, а также участвовал в допросах советского генерала на следующий день. В 1949 году Власов был давно казнён, поэтому показания немецкого разведчика представляли лишь исторический интерес. В частности, Тондорф сообщил: «Я присутствовал при беседе Линдемана с Власовым в качестве переводчика. Линдеман задал Власову несколько вопросов о плане выхода из окружения 2-й ударной армии, которой командовал Власов. Власов подробно рассказал об этом, показывая на карте, где он думал создать оборонительные рубежи, как рассчитывал выйти из окружения. Других вопросов Линдеман Власову не задавал». Очевидно, других тем собеседники не касались.

Заявление Тондорфа носит важный и принципиальный характер для нашего повествования, так как позволяет критически оценить популярный тезис о предательстве Власова, якобы совершённом им на допросах в штабе 18-й армии 13–14 июля»⁶.

Следующие аргументы Александрова таковы:

«14 июля Власов допрашивался начальником отдела Ic штаба 18-й армии майором Вернером Рихтером, уроженцем Бад Лаасфе, 1906 года рождения. Кроме Рихтера в допросе участвовали Тондорф и другие сотрудники Абвера, и содержание допроса хорошо известно. Власов изложил свою биографию, перечислил по номерам армии Волховского фронта (по состоянию на июнь) и назвал фамилии их командующих (кроме 4-й), перечислил по номерам бригады и дивизии разгромленной 2-й ударной армии и вновь описал её боевые действия за истёкшие два месяца. Дал субъективные характеристики генералам армии Георгию Жукову и Кириллу Мерецкову, генерал-лейтенанту Всеволоду Яковлеву. Очень расплывчато охарактеризовал служебное положение в советской военной иерархии генерал-полковника Александра Василевского, маршала Бориса Шапошникова, генерал-майора Григория Кулика, маршалов Семёна Будённого («Имеет задачу формировать новые войсковые соединения в тылу») и Климента Ворошилова («Командной должности теперь не занимает»).

На вопрос Рихтера о планах Ставки Власов ответил, что с планами вышестоящего командования не знаком, так как они представляют военную тайну («Командующие армиями не знали о намерениях командования даже на соседних участках»)»⁷.

«...вот что о допросе Власова сообщили в 1949 году ленинградским чекистам бывшие сотрудники Абвера Франц Тондорф и Вернер Рихтер (на 1945 – полковник Генерального штаба). Тондорф: «Власов рассказал свою биографию, дал подробные показания о численности и вооружении 2-й ударной армии. Других показаний Власова я сейчас не могу вспомнить». А Рихтер фамилию Власова вообще запомнил лишь «потому, что о нём писали много в газетах, как в немецкой, так и в советской печати, где о нём очень отрицательно отзывались». Нет никаких сомнений в том, что если бы Власов предоставил какие-либо ценные сведения, повлиявшие на перемещение войск в масштабах группы армий «Север», тем более – в масштабах всего Восточного фронта (!), допрашивавшие его профессиональные военные разведчики хорошо бы запомнили это незаурядное событие»⁸.

По мнению историка Александрова, «утверждение о разглашении Власовым секретных сведений, результатом чего якобы стало усиление войск Вермахта на южном крыле с последующим прорывом к Сталинграду, не выдерживает критики и не соответствует действительности»⁹.

Постоянно выгораживая «героя своего романа», Кирилл Александров никак не может понять одну простую истину: Власов, прежде всего, нарушил военную присягу. И это главное.

⁶ Александров К.М. Мифы о генерале Власове. М., 2010.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Другой вопрос, какой он ущерб нанёс в результате своей «беседы» с немецкими военачальниками и офицерами в результате этого преступления.

31 мая 2011 года Патриарх Кирилл, на встрече со слушателями Военной академии Генерального штаба, назвал смертным грехом нарушение воинской присяги¹⁰. Как вы думаете, почему? Потому что во все времена военная присяга являлась торжественной клятвой на верность своему Отечеству, ради которого иногда необходимо пожертвовать и собственной жизнью. У военной присяги не может быть каких-то оговорок и недомолвок. Там всё конкретно. Когда Власов принимал её и ставил под ней свою подпись, он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что делает. В толковом словаре русского языка присяга – «Официальное торжественное обещание, клятва соблюдать верность, какие-либо обязательства, поступать согласно с законом», а нарушить (её) значит: «Не соблюсти, преступить» и т. д.¹¹

Согласно 17-й статьи Конвенции, «каждый военнопленный при его допросе обязан сообщить только свои фамилию, имя и звание, дату рождения и личный номер или, за неимением такового, другую равноценную информацию»¹². То же самое, но с некоторыми дополнениями записано в современном уставе внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации (см. «Общие обязанности военнослужащих»):

«23... Военнослужащий, захваченный противником в плен, при допросе имеет право сообщить только свою фамилию, имя, отчество, воинское звание, дату рождения и личный номер. Он обязан сохранять честь и достоинство, не разглашать государственную тайну, проявлять стойкость и мужество, помогать другим военнослужащим, находящимся в плену, удерживать их от пособничества противнику, отвергать попытки противника использовать военнопленного для нанесения ущерба Российской Федерации и её Вооружённым Силам»¹³. То есть и сегодня для военнослужащих нашей армии требования остаются практически теми, что были и раньше. Так что режим и власть к воинским преступлениям отдельных военнослужащих никакого отношения не имеют. Всё это современные попытки задним числом оправдать банальное предательство. И что самое интересное, занимаются этим люди, которые никогда не служили в армии, а потому подход у них свой, сугубо штатский, правда, со ссылками на подходящие им источники. При этом они упрямо доказывают свои «военно-исторические открытия», переворачивающие с ног на голову общепринятые нормы, существующие веками во многих армиях мира. К сожалению, на этот нонсенс почти никто не обращает внимания, а жаль. Но вернёмся к их любимому Андрею Андреевичу...

Умел ли Власов хранить военную тайну? Самое интересное, что до своего пленения да! Для этого есть совершенно конкретные документальные примеры. Например, в своём письме походно-полевой жене Агнессе Павловне Подмазенко от 14 февраля 1942 г. он пишет:

«Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе, он беседовал со мной целых полтора часа»¹⁴. Понятное дело, что речь идёт о Сталине, и всё же имя вождя Власов в письме не называет. А вот два отрывка из другого письма от 26 апреля 1942 года уже законной жене Анне Михайловне Власовой:

«Раньше у нас с тобой связь почти наладилась, было уже хорошо, но как я переменял место работы, то связь стала хуже. Сейчас я работаю недалеко уже от того места, где жила Надя! (...)

¹⁰ Речь Патриарха Кирилла на встрече со слушателями Военной академии Генштаба 31.05.2011 г. Газета. ру. Интернет.

¹¹ Современный толковый словарь русского языка. М., 2004.

¹² Конвенция (III) об обращении с военнопленными. Женева, 12 августа 1949 г. МККК. Интернет.

¹³ Общевоинские уставы Вооружённых сил Российской Федерации. М., 2008.

¹⁴ Перемышленникова Н.М. Ты у меня одна. Письма генерала Власова жёнам (1941–1942). Источник № 4, 1998 г.

Он, видимо, служит там, где я служил раньше и откуда я убыл 8 марта сего года. На новом месте работа по объёму стала больше, ответственнее и почётнее»¹⁵. В этом послании Власов напрямую не говорит, что назначен командующим 2-й Ударной армии, но намекает на своё местонахождение под Ленинградом. В письме Подмазенко от 26 апреля 1942 года Власов подсказывает свою новую должность:

«Я сейчас выполняю ответственную задачу. Письмо от тебя ко мне и наоборот идёт гораздо дольше, чем раньше, когда я был на старом месте. Что можно сказать о себе? Бьём фашистов крепко и готовим им крепкие весенние подарки ещё сильнее. Работаю примерно на той же должности когда был с тобой вместе, только объёмом она гораздо больше, почётнее, ответственнее. Но ты прекрасно знаешь, что, куда твоего Андриюшу ни пошлют правительство и партия, – он всегда любую задачу выполнит с честью»¹⁶. В следующем письме походно-полевой жене от 17 мая 1942 года Власов намекает на окружение:

«На всё это я не стану тебе долго отвечать, потому что ты в своё время рядом пережила известную обстановку. Правда, сейчас обстановка немного лучше, чем тогда, когда мы начали бой, тогда, когда ты вместе со мной ехала в машине, но всё же обстановка серьёзная. Но невзирая ни на что, мы проклятых извергов фашистов всё равно сотрём с лица земли. И это будет очень скоро»¹⁷.

Но это было в письмах, было это и на службе в Красной армии, которой Власов отдал 22 календарных года. Зато теперь, попав в плен, он как-то разговорился, хотя его никто не пытал и не собирался расстреливать.

Итак, 15 июля 1941 г. штаб 18-й немецкой армии направляет две части протокола допроса командующего 2-й советской Ударной армией генерал-лейтенанта Власова. Уже в начале первой части протокола допроса Власов непонятно зачем сообщает немцам: «...вступил в Коммунистическую партию с целью продвинуться вперёд в Красной Армии»¹⁸. Далее Андрей Андреевич поведал своему врагу «Подробности о Волховском фронте и 2-й Ударной армии». В частности, он назвал состав Волховского фронта на середину марта 1942 года, командующего фронтом Мерецкова и командующих армиями (52-й, 59-й). К слову сказать, почему-то Власов не смог назвать командующего 4-й армией генерала П.И. Ляпина, который с января 1942 года занимал должность помощника командующего войсками Волховского фронта, а в феврале был назначен командующим 4-й. А ведь новый заместитель командующего войсками Волховского фронта генерал-лейтенант А.А. Власов как никто другой должен был знать всех командармов, тем более их было всего несколько¹⁹.

Любопытна оценка Власова генерала Мерецкова и генерала Яковлева. Своего бывшего шефа он называет эгоистом, очень нервной и рассеянной личностью. Своего коллегу, наоборот, хорошим военным работником, недовольным своим применением. Личностью частых переходов, известным, как пьяница²⁰. Затем Власов по просьбе допрашиваемых плавно переходит к причинам неудачи отхода своей армии, рассказывает о пополнении (призванных возрастах), о формировании новых соединений, оборонной промышленности, продовольственном положении, иностранных поставках, оперативных планах, об оружии, о семьях перебежчиков, про обращение с русскими военнопленными в Германии, о Ленинграде и, конечно же, о кадрах²¹. В общем, он рассказал на допросе своему врагу всё, что знал. И здесь, мне думается, не столь важно, в каком объёме Андрей Андреевич обладал секретной информацией, не важно, что

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было, или история власовского предательства. ВИЖ № 4, 1991 г.

¹⁹ Командармы. Военный биографический словарь. М., 2005.

²⁰ Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Там же.

²¹ Там же.

он из-за пребывания в окружении многое знать просто не мог. Важно другое. Он охотно беседовал со своим противником, которого во всех письмах своим жёнам, и, видимо, не только, «бил и гнал», которого высмеивал и называл побеждённым. Не думаю, что современный историк, будь он хоть трижды доктор наук, способен объективно определить ценность информации выданной командующим армией Власовым немцам в 1942 году. Для этого всё-таки нужна определённая компетенция, а, кроме того, понимание сути профессии Родину защищать! Уж, извольте, но Андрей Андреевич был с немцами словоохотлив, впрочем, поговорить он любил всегда.

Для тех, кто не знает, могу привести несколько примеров поведения немецких генералов в советском плену. Например, вот что записал в своём дневнике оперуполномоченный КРО ОО НКВД Донского фронта старший лейтенант госбезопасности Тарабрин о поведении пленённого командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Паулюса и его начальника штаба генерал-лейтенанта Шмидта:

«3-го февраля 1943 г.

Сегодня в 11 часов утра опять у Паулюса, Шмидта и Адама. Когда я вошёл, они ещё спали. Паулюс проснулся, кивнул головой. Проснулся Шмидт.

Шмидт: “Доброе утро, что видели во сне?”

Паулюс: “Какие могут быть сны у пленного фельдмаршала? Адам, вы уже начали бриться? Оставьте мне горячей воды”.

Начинается процедура утреннего умывания, бритья и проч. Затем завтрак и обычные сигары. Вчера Паулюса вызывали на допрос, он всё ещё под его впечатлением.

Паулюс: “Странные люди. Пленного солдата спрашивают об оперативных вопросах”.

Шмидт: “Бесполезная вещь. Никто из нас говорить не будет. Это не 1918 год, когда кричали, что Германия – это одно, правительство – это другое, а армия – третье. Этой ошибки мы теперь не допустим”.

Паулюс: “Вполне согласен с вами, Шмидт”»²².

По воспоминания начальника штаба 64-й армии генерала И.А. Ласкина, после пленения фельдмаршал Паулюс, генерал Шмидт и адъютант Паулюса Адам были приглашены на обед. В своих мемуарах он описывает один интереснейший эпизод:

«За столом Паулюс весьма осторожно прикасался и к содержимому в бокале, и к еде. На вопрос Шумилова, почему фельдмаршал так осторожен к пище, Паулюс ответил, что за последнее время он очень мало ел и сейчас боится перегрузить желудок.

А генерал Шмидт совсем не пил и почти ничего не ел, очевидно боясь быть отравленным. И за столом у командарма и во время обеда он не проронил ни слова. Жестокий и надменный фашист, он теперь выглядел жалким, затравленным волком.

Совершенно по-особому и как-то независимо от своего начальства вёл себя адъютант Паулюса полковник Адам. И в выпивке и в еде он себя не ограничивал. Развязнее стал и его язык.

По окончании обеда я спросил его, почему генерал Шмидт всё время молчит.

– Шмидт хорошо знает, что побеждённые должны молчать, – ответил Адам»²³.

И ещё один штрих к биографии Паулюса. В феврале 1943 года его привезли в Красногорский оперативный пересыльный лагерь № 27 НКВД по Московской области. В июле этого года там был создан Национальный комитет «Свободная Германия». В нём приняли участие более ста человек, избравших президентом СНО генерала В. фон Зейдлица. «Для Паулюса и его соратников, которые были ещё весной переведены в генеральский лагерь в Спасо-Ефи-

²² Пять дней из жизни Фридриха Паулюса в России. Дневник оперуполномоченного КРО ОО НКВД Донского фронта, старшего лейтенанта ГБ Тарабрина. Достоинство. Интернет.

²³ Ласкин И.А. У Волги и на Кубани. М., 1986.

миевом монастыре под Суздалем, это было предательством. Семнадцать генералов во главе с фельдмаршалом подписывают коллективное заявление: “То, что делают офицеры и генералы, ставшие членами “Союза”, является государственной изменой. Мы их больше не считаем нашими товарищами, и мы решительно отказываемся от них”»²⁴. Только в августе 1944-го Паулюс подписал обращение «К военнопленным немецким солдатам и офицерам и к немецкому народу», то есть сделал то, чего от него добивались целых полтора года. Но почему? Говорят, ему «помогло в этом»: «открытие Второго фронта, поражение на Курской дуге и в Африке, потеря союзников, тотальная мобилизация в Германии, вступление в “Союз” 16 новых генералов и лучшего друга, полковника В. Адама, а также смерть в Италии в апреле 1944 года его сына Фридриха. И, наконец, покушение на А. Гитлера офицеров, которых он хорошо знал. Его потрясла казнь заговорщиков, среди которых был и его друг генерал-фельдмаршал Э. фон Вицлебен. Свою роль сыграло видимо, и письмо его жены, доставленное из Берлина советской разведкой»²⁵. Выходит, в отличие от советского генерала Власова, немецкий генерал-фельдмаршал по меньшей мере был настоящим солдатом. За что, собственно, его и можно уважать.

В свою очередь поклонники Власова в своих разоблачениях частенько упоминают легендарного генерала Лукина. Для них почему-то имя этого человека, мужественно пережившего все ужасы фашистского плена, потерявшего ногу и, в сущности, руку, до сих пор не даёт покоя. В каких только грехах они его не обвиняли, однако Сталин выпустил Лукина сразу же после спецпроверки. Неужели, вы думаете, вождь простил бы Лукину предательство в неволе? Глубоко сомневаюсь. Проверяли тогда тщательно. И любой голос против искалеченного генерала не смог бы предотвратить его наказания за измену. В этом можно даже не сомневаться. Сталин таких вещей не прощал никому.

Зато историк К. Александров уверенно сравнивает показания генерала Власова с показаниями генерала Лукина, а сравнив, делает вывод:

«Никто из исследователей не обвинял Михаила Лукина в разглашении сведений, составлявших военную тайну, и, следовательно, в государственной измене»²⁶. Конечно же он имеет в виду протокол допроса военнопленного генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина от 14 декабря 1941 года. Но вот в чём заключается проблема. Как пишет кандидат исторических наук, участник Смоленского сражения В.В. Шлеев, «после опубликования выдержек из этого “протокола” в переводе на русский язык в парижском издании “Обозрение” в 1982 г. ссылка на этот “протокол” появляется в книге И. Хоффмана»²⁷. В работе Иоахима Гофмана «Власов против Сталина» действительно приводится этот протокол. Дается и ссылка: «322. Здесь и далее: Допрос генерал-лейтенанта Лукина Михаила Фёдоровича, командующего 19-й армией (в последнее время – командующего группой войск 32-й, 20-й, 24-й и 19-й армий). Группа армий “Центр”, Ис/АО, 14.12.1941 (на нем. яз.) // ВА R 6/77; Генерал-лейтенант Лукин о земельном вопросе. Группа армий “Центр”, Ис/АО, 14.12.1941 (на нем. яз.) // Там же. М.Ф. Лукин»²⁸. Но, что любопытно, «поисковые данные этого документа в Бундесархиве Германии, неточно указанные И. Хоффманом... не позволяют проверить его подлинность. Это подтвердил и ответ из Бундесархива»²⁹.

По мнению В.В. Шлеева, «какое-то представление об этом допросе-беседе могли бы дать и упоминавшиеся воспоминания В. Штрик-Штрикфельдта, по-видимому, участвовавшего в этом допросе. Но внимательное знакомство с его книгой ясно показывает, что идея создания

²⁴ Википедия: Паулюс, Фридрих. Интернет.

²⁵ Там же.

²⁶ Александров К.М. Там же.

²⁷ Шлеев В.В. Письмо из плена. Отечественная история, № 4, 1995 г.

²⁸ Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии. 1944/1945. М., 2005.

²⁹ Шлеев В.В. Там же.

так называемой Русской национальной освободительной армии (РНОА) в первую очередь принадлежит не советскому генералу М.Ф. Лукину, а самому В. Штрик-Штрикфельдту и некоторым единомышленникам из немецкого офицерства. Ведь ещё в октябре – ноябре 1941 г. В. Штрик-Штрикфельдт по поручению Штаба Главного командования Вооружённых сил Германии, побывав в лагерях советских военнопленных, составляет план формирования из них освободительной армии для начала с 200 тыс. добровольцев. На этом докладе имелась резолюция фельдмаршала фон Браухича: «Совершенно согласен. Россию можно победить только Россией же. Считаю формирование русской армии для борьбы против большевиков делом неотложно необходимым».

Не случайно в рассказе об одной из бесед с М.Ф. Лукиным В. Штрик-Штрикфельдт подчеркнул, что развитая им самим мысль “о возможностях евразийской федеративной политики”, т. е. союза гитлеровской Германии и антисталинской России якобы “захватила” и М.Ф.Лукина.

Становится очевидным, что в этих воспоминаниях В. Штрик-Штрикфельдт свои собственные мысли стремится приписать М.Ф. Лукину. Но примечательно, что никаких конкретных сообщений о наличии протокола допроса М.Ф. Лукина от 12 декабря 1941 г. у В. Штрик-Штрикфельдта, да и в других публикациях 1940—1970-х гг. не содержится»³⁰.

Протокол допроса Лукина действительно какой-то необычный. Но больше всего он поражает в самом конце, где будто бы советский генерал, после всей сказанной антисоветчины и всех выданных военных тайн, заявляет: «Я прошу Вас сохранить всё это в секрете, так как у меня есть семья»³¹. Такие слова не очень подходят к такому мужественному человеку, как генерал Лукин. Словно их произнёс не боевой генерал, а трусливый мальчишка из младших классов средней школы: «Вы только никому не говорите!»

31 августа 1945 года начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ генерал-полковник В. Абакумов представлял Сталину список генералов Красной армии, освобождённых из германского плена. По поводу генерала Лукина в этом документе говорится следующее:

«Что же касается генерал-лейтенанта ЛУКИНА М.Ф. – бывшего командующего 19-й армией, в отношении которого имеются материалы об его антисоветской деятельности, но, учитывая, что в результате ранения он остался калекой (парализована рука и ампутирована нога), а также (...)

– на которых в процессе проверки каких-либо материалов пока не добыто, считал бы целесообразным этих лиц освободить и обеспечить агентурным наблюдением»³².

Однако вождь не согласился с таким мнением, и генерал Лукин проходил спецпроверку до 21 декабря. В следующем документе на бывшего командующего 19-й армией, доложенном Сталину, говорилось:

«...Показал, что в октябре 1941 года в районе Вязьмы при попытке выхода из окружения был тяжело ранен и захвачен немцами в плен.

Показаниями арестованных Главным управлением “Смерш” одного из руководителей НТСНП белоэмигранта Брунста, изменника Родины Власова и бывшего начальника курсов мл(адших) лейтенантов 33-й армии Минаева устанавливается, что Лукин, пребывая осенью 1942 года в лагере военнопленных в городах Цитенхорст и Выстрау, проявлял антисоветские настроения по вопросам коллективизации сельского хозяйства, карательной политики Советской власти и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

³⁰ Там же.

³¹ Русский военно-исторический журнал № 2, 1994 г.; Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.) под редакцией А.Ф. Киселёва, Э.М. Шагина. М., 1996.

³² Решин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские. ВИЖ № 12, 1992 г.

Лукин, будучи допрошен по этому вопросу, отрицает преступную связь с этими лицами и проводимую им антисоветскую деятельность.

В результате ранения у Лукина парализована рука и ампутирована нога»³³.

Как утверждают Л. Решин и В. Степанов, «в сотнях томов следственных дел, заведённых на советских генералов и офицеров – действительных и мнимых предателей, – не содержится и намёка на сотрудничество генерала Лукина с гитлеровцами или их пособниками. Он был верен своему солдатскому долгу, несмотря на негативные высказывания о колхозах или о репрессиях. Об этом говорили на допросах все, от офицера-патриота до предателя Власова»³⁴.

Но тогда почему Сталин разрешил выпустить Лукина на свободу? Для этого обратимся к статье В. Шлеева:

«...вспоминается рассказанный мне самим М.Ф. Лукиным во второй половине 1960-х гг. эпизод о том, как к нему, ещё в госпитале для русских военнопленных в Смоленске, заявился бывший помощник начальника особого отдела 19-й армии, тоже попавший в плен и вскоре перешедший на сторону гитлеровцев. По поручению немецких властей он предложил и генералу Лукину поступить так же, якобы ради интересов русского народа, ибо, по мнению этого предателя, война в основном была нашей страной проиграна и в Европе будет устанавливаться так называемый гитлеровский “новый порядок”. Однако М.Ф. Лукин с возмущением отказался от такого предложения и прогнал предателя.

Кратко рассказано об этом в литературной записи воспоминаний М.Ф. Лукина в “Огоньке”, а позднее в книге В. Муратова и Ю. Городецкой и более подробно в обстоятельной беседе генерала с писателем К.М. Симоновым, зафиксированной на диктофоне. Машинописный текст этой беседы с сопроводительной запиской К.М. Симонов переслал М.Ф. Лукину незадолго до его кончины. В этой беседе генерал также сообщил писателю, что несколько лет тому назад в Смоленском областном партийном архиве его познакомили с одним из документов упомянутого выше предателя-особиста, в котором он сообщил, что генерал М.Ф. Лукин решительно и бесповоротно отказался от любого сотрудничества с гитлеровцами. Этот материал, ставший известным советским властям и органам военной юстиции, как говорил мне сам М.Ф. Лукин, сыграл решающую роль в его окончательной и полной реабилитации»³⁵.

2

В декабре 1964 г., во время работы над новой книгой, генерал-полковник Л.М. Сандалов написал письмо начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза М.В. Захарову, в котором отчётливо заметна его обеспокоенность. Это видно с самых первых строк письма:

«Лет десять тому назад в некоторых книгах и статьях, трактующих о Московской битве, сначала робко, а затем всё смелее и смелее стало выдвигаться утверждение, что город Волоколамск в декабре 1941 г. освобождала не столько 20-я, сколько 16-я армия Западного фронта.

Ряд генералов и офицеров, служивших в 20-й армии, а также Московской области, Промышленный комитет КПСС, Волоколамский городской Партийный комитет и Волоколамский музей попросили обратиться меня к Вам с просьбой: дать распоряжение об уточнении этого вопроса по архивным материалам. Все они считают, что 16-я армия к освобождению Волоколамска никакого отношения не имеет»³⁶.

Далее Леонид Михайлович поясняет маршалу, что он стал начальником штаба новой полнокровной 20-й армии во второй половине ноября 1941 года. А назначенный командующим

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Шлеев В.В. Там же.

³⁶ Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

20-й армией генерал А.А. Власов до освобождения Волоколамска, по существу, армией не командовал, так как был ещё болен. При этом Сандалов в письме не говорит прямо о том, что в период болезни Власова 20-й армией фактически командовал он.

Бывший начальник штаба объединения, отрицая факт присутствия Власова в армии, пишет об этом очень корректно:

«...от начала операции до выхода армии в Волоколамск мне совместно с заместителем командующего армией полковником Лизюковым А.И. (впоследствии командовал танковой армией и погиб в бою) и членом ВС армии дивизионным комиссаром Куликовым П.Н. приходилось руководить действиями войск непосредственно самим»³⁷.

Впоследствии, в своей новой книге «На московском направлении», Л.М. Сандалов относительно роли своего командующего в освобождении Волоколамска уточнил и временные рамки. Они таковы: на армейском командном пункте генерал Власов впервые появился 19 декабря 1941 г.

«Он зашёл на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением армии и в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катуква из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах»³⁸.

В ответ Власов сказал, что чувствует себя лучше и через день-два возьмёт управление армией полностью. А на следующий день, то есть 20 декабря 1941 года группа генерала Ремезова (20-я армия) совместно с переданной из 16-й армии группой генерала Катуква освободили от немцев город Волоколамск.

В дальнейшем, благодаря стараниям прежде всего самого Сандалова, вопрос с освобождением города Волоколамска именно войсками 20-й армии был документально доказан. Для этого ему, будучи инвалидом, даже пришлось выезжать в Подольск, где совместно с начальником архива и его сотрудниками он посмотрел большое число документов. Полный разбор операции и был сообщён в письме маршалу Захарову с приложением оперативной сводки штаба 20-й армии, краткой исторической справки Академии имени Фрунзе и копии журнала боевых действий группы Ремезова.

По вопросу же руководства войсками 20-й армии со дня её формирования до освобождения города Леонид Михайлович ограничился своими личными воспоминаниями. Честный и порядочный генерал не мог себе даже представить, что его слова спустя десятилетия, в сущности, любители военной истории подвергнут сомнению. Некто Алексей Исаев, выпускник факультета кибернетики Московского инженерно-физического института, однажды отправился в Центральный архив министерства обороны за правдой, которую, как ему показалось, он там и нашёл. Называется эта «правда» почти сенсационно, но при этом загадочно-вопросительно: «Командовал ли А.А. Власов 20-й армией в декабре 1941 г.?»

Лучше всего итог своего расследования объясняет, конечно же, сам автор:

«В наши дни в статье в “Военно-историческом журнале” (2002. № 12; 2003. № 1), посвящённой Л.М. Сандалову, была изложена его версия относительно временных рамок отсутствия А.А. Власова. Авторы статьи, генералы В.Н. Маганов, В.Т. Иминов, сделали Сандалова человеком, фактически исполнявшим обязанности командующего армией. Они написали: “Назначенный командующим армией генерал-лейтенант А.А. Власов был болен и до 19 декабря находился в Москве, поэтому вся тяжесть работы по формированию армии, а в дальнейшем и по управлению её боевыми действиями легла на плечи начальника штаба Л.М. Сандалова”.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Однако если в 1960-е гг., когда доступ к документам ВОВ был практически закрыт для независимых исследователей, можно было невозбранно писать про большие уши и прибытие на командный пункт 19 декабря, то в наши дни это уже малоубедительно. Каждый командующий армией оставил после себя след в виде сонма приказов со своей подписью, по которым можно отследить периоды активного командования и дату вступления в должность.

В фонде 20-й армии в ЦАМО РФ среди приказов автору удалось найти всего один, подписанный А.И. Лизюковым. Он датирован ноябрём 1941 г. и Лизюков в нём обозначен как командующий оперативной группой. После этого идут декабрьские приказы, в которых в качестве командующего армией называется генерал-майор А.А. Власов»³⁹.

«...Фамилия “Сандалов” появляется на приказах, начиная с 3 декабря 1941 г. Правда, с появлением Сандалова приказы армии начинают печататься на машинке»⁴⁰.

Далее Исаев не по-детски рассуждает о подлинности подписи генерала Власова, что в результате приводит его к такому умозаключению: Власов «был не гостем, а хозяином в штабе 20-й армии к моменту прибытия в неё Л.М. Сандалова»⁴¹. Сравнив подписи Андрея Андреевича за июль 1941 г. и декабрь 1941 г., Исаев торжественно заявляет: «Попытки вычеркнуть из истории войны деятельность А.А. Власова в качестве комкора и командарма объяснимы, но бесполезны. Особенно в текущих условиях. В конце 1941 г. и в начале 1942 г. Андрей Андреевич Власов был на хорошем счету. Это является историческим фактом». И очередное доказательство, словно теоремы, подкрепляет боевой характеристикой на Власова, подписанной Г.К. Жуковым.

Стоит лишь напомнить автору данного «разоблачения» о том, что история вообще, а военная в частности, не математика и не физика. Более или менее точно разобраться в исторических событиях можно только тогда, когда факты и документы исследуются в их взаимосвязи и во всей противоречивой совокупности. В данном конкретном случае Алексей Исаев всё своё «расследование» построил на наличии только одной подписи генерала Власова, а также её подлинности, таким образом, «уличив во лжи» Леонида Михайловича Сандалова.

Но при таком поверхностном подходе к достаточно принципиальному вопросу военной истории Исаеву и в голову не могло прийти, что подлинная подпись командующего 20-й армией – это всего лишь одна сторона медали. Если командующий ставит на боевом приказе свою подпись, соответственно, он несёт всю возложенную на него ответственность. Он в курсе мероприятий, проводимых его штабом и указаний сверху. Словом, вроде как всё держит на контроле. Но подпись не может быть стопроцентным доказательством его фактического пребывания в войсках. Потому что армейская повседневная жизнь и деятельность, я уже не говорю про боевую, значительно отличается от гражданской. Там нет больничных листов, и очень многие вопросы решаются совершенно иначе, в чём-то даже проще, а потому и непонятно для сугубо штатского человека. Следовательно, Власов был командующим 20-й армией до своего прибытия на командный пункт юридически. Он был назначен на эту должность соответствующими приказами, он стоял на довольствии, его фамилия фигурировала во всех документах. Но фактически Андрей Андреевич находился в столице и проходил курс сначала госпитального, а затем и амбулаторного лечения. При этом, надо сказать, Власов ни за что не подписывал бы документы, в том числе и оперативные, до своего выхода на службу, так как ещё болел и имел штатных заместителей, которые вполне справлялись и без него. Однако подписи Власова потребовали из штаба фронта, и деваться ему было некуда.

³⁹ Исаев А. Командовал ли А.А. Власов 20-й армией в декабре 1941 г.? Актуальная история. Интернет.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

Согласно директиве Ставки ВГК от 29 ноября 1941 г. оперативная группа Лизюкова преобразовывалась в 20-ю армию, а её командующим назначался генерал-майор А.А. Власов⁴².

Как известно из показаний походно-полевой жены Власова А.П. Подмазенко, бывший командующий 37-й армией вместе с ней вышел из киевского окружения 1 ноября 1941 года. В Курске они встретились с частями Красной армии⁴³. Когда вопрос с новым назначением Андрея Андреевича был решён, на запрос Главного управления кадров был получен следующий ответ: «Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25–26 ноября в связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха»⁴⁴.

Адъютант командующего майор Н.П. Кузин в собственноручных показаниях уточнит: «В декабре месяце 1941 года я был направлен в распоряжение отдела кадров 20-й армии. По прибытии в армию я был назначен адъютантом к командующему»⁴⁵.

Следующее свидетельство – личное письмо Власова жене, датированное 11 декабря 1941 года: «Ухо у меня поправилось. Стал немного слышать. Врачи обещают слух восстановить полностью (левое ухо)»⁴⁶.

Известный писатель Владимир Богомолов, на основе архивных документов, а в Подольске он работал весьма усердно, в своей сильнейшей публицистике «Срам имут и живые, и мёртвые, и Россия...» пишет:

«Назначенный командующим 20-й армии 30 ноября 1941 года Власов с конца этого месяца и до 21 декабря болел тяжелейшим гнойным воспалением среднего уха, от которого чуть не умер и позднее страдал упадком слуха, а в первой половине декабря – вестибулярными нарушениями. Болезнь Власова и его отсутствие в течение трёх недель на командном пункте, в штабе и в войсках зафиксированы в переговорах начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова и начальника штаба фронта генерала В.Д. Соколовского с начальником штаба 20-й армии Л.М. Сандаловым; отсутствие Власова зафиксировано в десятках боевых приказов и других документов, вплоть до 21 декабря подписываемых “за” командующего Л.М. Сандаловым и начальником оперативного отдела штаба армии комбригом Б.С. Антроповым. Поскольку отсутствие Власова, как предположили, будет замечено немецкой разведкой, 16 декабря, по указанию свыше, было организовано его интервью якобы в штабе – Власов находился в армейском госпитале – с американским журналистом Л. Лесюером»⁴⁷.

По утверждению Л.М. Сандалова, «Власов до освобождения Волоколамска армией, по существу, не командовал. Он объявил себя больным (плохо видит, плохо слышит, разламывается от боли голова). До начала операции жил в гостинице ЦДКА, а затем его перевозили с одного армейского КП на другой под охраной врача, медсестры и адъютанта. Подходить к нему не разрешали. Все документы для подписи я посылал Власову через его адъютанта, и он приносил их подписанными без единого исправления. Впервые я, да и другие офицеры штаба, увидели Власова – в Чисмене (под Волоколамском). А первый доклад я делал ему лишь в Волоколамске»⁴⁸.

Как известно, новый начальник штаба 20-й армии прибыл к новому месту службы 28 ноября 1941 г. Но это гораздо раньше поставленной им подписи на документах. При этом дата «3 декабря» вовсе не случайна: 20-я армия 4 декабря полностью закончила своё сосредоточение.

⁴² ЦАМО. Ф. 148 а. Оп. 3763. Д. 84. Л. 3.

⁴³ Решин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские. ВИЖ, № 3, 1993 г.

⁴⁴ Карпов В. Жуков на фронтах войны. М., 1996.

⁴⁵ Решин Л.Е., Степанов В.С. Там же.

⁴⁶ Перемышленникова Н.М. Там же.м

⁴⁷ Богомолов В.А. Сердца моего боль. Том 2. М., 2008.

⁴⁸ Сандалов Л.М. Там же.

До этого, в отсутствие командующего, штаб армии формировался в нескольких квартирах многоэтажного нового дома по Ленинградскому шоссе. Туда прибыли бывший комиссар Автобронетанкового управления Красной армии дивизионный комиссар П.Н. Куликов на должность члена Военного совета, начальник Центрального дома Красной армии бригадный комиссар С.И. Паша – на должность начальника политотдела, бывший начальник кафедры Военно-инженерной академии комбриг Б.С. Антропов – на должность начальника оперативного отдела штаба и т. д. Обстановка была очень сложная, времени на формирование было выделено мало, а кроме того, параллельно шла подготовка и к предстоящим боевым действиям.

Уже в ночь на 2 декабря командование армии с начальниками родов войск и большая часть сотрудников штаба и политотдела армии выехали в войска для организации контрудара.

В начале декабря 1941 года полковник И.М. Чистяков был прикомандирован к штабу 20-й армии, где ждал нового назначения. В один из дней его почему-то вызывает не командующий Власов, а начальник штаба полковник Л.М. Сандалов и просит съездить в 64-ю Отдельную морскую стрелковую бригаду. Уже в бригаде член Военного совета Западного фронта Н.А. Булганин, появившийся там вместе (опять-таки) с начальником штаба Л.М. Сандаловым, просит временно покомандовать бригадой, пока подыщут для неё командира. И снова отмечается отсутствие командующего Власова. Об этом можно прочесть в мемуарах генерала Чистякова⁴⁹.

В прошлом году к юбилею Московской битвы вышла подготовленная Главным архивным управлением города Москвы книга «Генерал Сандалов. Сборник материалов и документов»⁵⁰. В ней также есть немало доказательств отсутствия Власова в армии до освобождения Волоколамска. Это, прежде всего, неопубликованные отрывки из рукописи Л.М. Сандалова, а также свидетельства его сослуживцев, представляющие огромный интерес не только для специалистов.

Например, само за себя говорит воспоминание полковника в отставке П.С. Фролова, а тогда политбойца стрелковой роты 331-й стрелковой дивизии:

«Утром 6.12.41 в сильный мороз на НП дивизии, в сарае за окраиной посёлка Лобня, собрались командир дивизии генерал Ф.П. Король, комиссар дивизии полковой комиссар Т.И. Коровин, начальник штаба подполковник Н.Ф. Пуховский, начальники служб. Обсуждали, как лучше, с меньшими потерями выполнить поставленную задачу. В это время на НП прибыли начальник штаба армии Л.М. Сандалов, за отсутствием командующего армией исполнявший его обязанности, и член Военного совета армии дивизионный комиссар П.Н. Куликов. Заслушав доклад об обстановке, Л.М. Сандалов потребовал главные усилия сосредоточить на быстрейшем освобождении Красной Поляны, где противник создал сильный узел сопротивления и устанавливает дальнобойные орудия»⁵¹.

За свою многолетнюю службу в Вооружённых Силах СССР и России лично я неоднократно, и в боевых полках, и в больших штабах, слышал одну единственную фразу: «Свято место пусто не бывает». Её произносили именно в тех случаях, когда начальник, командир или командующий отправлялись в отпуск или на лечение в госпиталь. То есть имелось в виду что уходил один, а за него оставался другой. И это было совершенно нормальным явлением для мирного времени. Но в случае с Власовым ситуация совершенно иная. Он отсутствовал в самый тяжёлый, самый напряжённый период формирования армии и её наступления в битве за Москву. А отсутствуя, подписывал приказы. Безусловно, это нонсенс, но тем не менее так было.

Полковник А.И. Лизюков. До формирования 20-й армии короткое время командовал северной оперативной группой Московской зоны обороны, расформированной 1 декабря. В

⁴⁹ Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.

⁵⁰ Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов. М., 2011.

⁵¹ Там же.

20-ю армию был назначен заместителем командующего. По воспоминанию генерала И.М. Чистякова, «оказался простым, весёлым и очень шумным человеком. Бывало, за километр слышно, как Лизюков идёт: такие разносы устраивал за малейший беспорядок!»⁵².

О роли и месте полковника Лизюкова в 20-й армии в период отсутствия её командарма говорит представление к ордену Ленина, кстати сказать, подписанное Власовым 4 января 1942 г.:

«Тов. ЛИЗЮКОВ с 30.XI.41 г. по 1.1.42 г. всё время руководил боевой деятельностью войск 20 Армии. 1 и 3.12.41 г. т. ЛИЗЮКОВ лично водил 1106 полк 331 сд в атаку и по заданию т. Булганина по его личному героизму овладели д. Горки. Солнечногорск захвачен под руководством т. ЛИЗЮКОВА и он один из первых вошёл в город»⁵³.

В книге Д.З. Муриева «Провал операции “Тайфун”» можно прочесть о том, как Александр Ильич Лизюков в очередной раз проявил мужество, прибыв 12 декабря в 35-ю стрелковую бригаду и направив её в Солнечногорск. В этот день 35-я стрелковая и 31-я танковая бригады под его командованием во взаимодействии с 55-й отдельной стрелковой бригадой 1-й ударной армии, наступающей с севера, освободили город⁵⁴.

Дивизионный комиссар П.Н. Куликов. До формирования 20-й армии короткое время был комиссаром у Лизюкова. Генерал И.М. Чистяков называет его полной противоположностью по характеру своему командиру: «...спокойный, рассудительный, кадровый политработник, москвич. Очень хорошо дополнял Лизюкова!»⁵⁵. В 20-й армии был назначен членом Военного совета. До появления Власова чаще всего находился рядом с Сандаловым. Вместе с начальником штаба возглавлял развёртывание армии⁵⁶.

Комбриг Б.С. Антропов. До формирования 20-й армии короткое время был начальником штаба у Лизюкова. По мнению генерала И.М. Чистякова, «уже пожилой человек, образованный, умеющий давать правильную оценку событиям, но вот беда, уж очень мнительный»⁵⁷. В 20-й армии был назначен начальником оперативного отдела – заместителем начальника штаба. О его роли и месте точно так же говорит наградной лист, подписанный Л.М. Сандаловым 9 января 1942 г.:

«Тов. АНТРОПОВ будучи с конца ноября месяца 1941 г. начальником оперативного отдела 20 армии показал себя неутомимым, оперативно высоко грамотным командиром.

Проведённые успешно операции армии под “Красная Поляна”, Солнечногорск, Волоколамск разработаны лично тов. АНТРОПОВЫМ и частично осуществлялись под непосредственным его контролем с передового вспомогательного пункта управления штаба фронта.

Тов. АНТРОПОВ вполне заслуживает правительственной награды орден “Красная Звезда”...⁵⁸

Полковник Л.М. Сандалов. До формирования 20-й армии – начальник штаба Брянского фронта. Официально – начальник штаба 20-й армии. Фактически – исполнял обязанности командующего ввиду его отсутствия. Под его руководством было сформировано армейское управление, развёрнута армия, создана её оборона, готовилось и проводилось наступление вплоть до освобождения Волоколамска. В статье о Л.М. Сандалове «Это был один из наиболее способных наших начальников штабов», генералы В.Н. Маганов и В.Т. Иминов пишут совершенно точно:

⁵² Чистяков И.М. Там же.

⁵³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 6. Л. 4.

⁵⁴ Муриев Д.З. Провал операции «Тайфун». М., 1982

⁵⁵ Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.

⁵⁶ Сандалов Л.М. Там же.

⁵⁷ Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.

⁵⁸ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 7. Л. 249.

«В дни декабрьского контрнаступления Л.М. Сандалов при фактическом отсутствии командующего армией, умело сочетая работу на армейских командном и наблюдательном пунктах и непосредственно в войсках, показал не только профессиональную зрелость как руководитель оперативного штаба, но и способность уверенно управлять военными действиями объединения в сложных условиях обстановки. Он многое сумел сделать в этот относительно небольшой период времени: и наладить работу только что сформированного штабного коллектива, сколотить его, превратив в слаженный и дееспособный организм, и, опираясь на него, грамотно спланировать и в короткие сроки организовать наступление соединений и частей армии, и осуществлять на всех этапах устойчивое управление ими, обеспечив тем самым выполнение поставленных командованием фронта задач»⁵⁹.

В представлении на генерала Сандалова к ордену Красного Знамени, подписанном Власовым 9 января 1942 г., чётко говорится о его роли и месте:

«Тов. САНДАЛОВ в боях с немецким фашизмом показал себя высоко подготовленным в оперативном и тактическом отношении и умением управлять войсками в бою.

В боях за Красную Поляну, Солнечногорск и Волоколамск умело организовал операцию по уничтожению противника, чем обеспечил успех боя частей армии.

В ходе боевых действий хорошо организовал взаимодействие, управление и связь между соединениями.

Находясь неоднократно на передовой линии фронта показал себя смелым, решительным и храбрым командиром...»⁶⁰.

При внимательном прочтении всех наградных листов, подписанных А.А. Власовым, можно без всякого затруднения понять, что он, как командующий, до освобождения Волоколамска своим объединением не руководил, так как начальник штаба работал за него, начальник оперативного отдела Антропов за Сандалова. Лизюков и Куликов исполняли свои прямые обязанности: один – заместителя, а другой – члена Военного совета. К слову сказать, именно за Волоколамскую операцию полковнику Сандалову (27 декабря 1941 г.) было присвоено воинское звание «генерал-майор»⁶¹.

Вот как вспоминает Л.М. Сандалов появление Власова в 20-й армии:

«В последние дни 1941 г. на армейском КП в Волоколамске обосновался Власов. Поселился он отдельно от штаба, на восточной окраине города. С этого времени бразды управления армией Власов взял в свои руки, болезней его как не бывало, и слышать и видеть он стал отлично. Фигура его распрямилась, голову стал держать откинутой назад. В обращении с подчинёнными стал надменным и чрезвычайно грубым. Особенно всё это стало заметным после съёмки его для документальной картины, отображающей Московскую битву. После съёмки ряда войсковых армий засняли и командование армии: Власова, Куликова и меня. Изобразили нас как бы находящимися на наблюдательном пункте, прикрытом кустами, откуда Власов указывает перстом направление для атаки войскам. С тех пор он особенно часто стал употреблять выражение “моя армия”. В его громком крике то и дело слышалось: “В моей армии нет места таким, как вы!”, “Моя армия – жемчужина среди армий Западного фронта, а вы в ней со своей дивизией тёмное пятно!”

Из армии началось бегство начальствующего состава. Первым уехал полковник Александр Ильич Лизюков. Несколько раз он звонил из моей комнаты в Москву, просил куда-нибудь перевести его.

⁵⁹ Маганов В.Н., Иминов В.Т. Это был один из наиболее способных наших начальников штабов. ВИЖ, № 12, 2002 г., ВИЖ, № 1, 2003 г.

⁶⁰ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 7. Л. 63.

⁶¹ Генерал Сандалов. Там же.

– Не хочу слушать грубости и хвастовство Власова, уйду в другую армию, – делился он со мной и Куликовым своими обидами. – Я убеждён, что у Власова перед началом контрнаступления никаких болезней не было. Он не верил в нашу победу и тонко задумал лавировать: если наступление не удастся, на него, почти не принимавшего из-за болезней участия в командовании армией, вина не ляжет; ну, а вот теперь, когда наступление принесло победу, он стал в позу Наполеона.

Вслед за Лизюковым получил назначение на должность начальника штаба корпуса мой заместитель комбриг Б.С. Антропов. А за ним из армии уехал командир морской бригады. Как-то Власова вызвали в Москву. И тотчас же ко мне, на время возглавившему армию, заявился полковник Иван Михайлович Чистяков с просьбой:

– Отпустите меня на сутки по личным делам в Москву. Ведь я в начале декабря приехал к вам из Москвы инспектировать морскую бригаду, а вы меня назначили тогда её командиром, не разрешили даже за вещами съездить.

– Но ведь вы едва ли обратно вернётесь? – недоверчиво спросил я.

Он усмехнулся и не стал опровергать моё предположение. Из Москвы Чистяков в армию не приехал, его вскоре назначили командиром Панфиловской дивизии. А командовать морской бригадой мне пришлось отпустить заместителя начальника оперативного отдела подполковника А.Д. Кулешова. Ряд сотрудников штаба и армейских управлений возвратились тогда в центральные управления Наркомата обороны, откуда они были к нам назначены. Пришлось наскоро пополнять штаб армии за счёт штабов дивизий и бригад»⁶².

Упрямым доказательством, как времени появления Власова в армии, так и его самоустрашения от прямого выполнения своих обязанностей, является Боевое распоряжение командующего войсками Западного фронта Г.К. Жукова командующему 20-й армией А.А. Власову от 30 декабря 1941 г.:

«1. 20-я армия несколько дней не выполняет поставленных задач, а Военный совет даже не думает донести по существу топтания армии на месте.

Военный совет армии обязан ежедневно отчитываться за день боя, докладывать своё решение на следующий день. Вы, видимо, считаете себя не обязанным это делать и поручили нач. штаба и второстепенным лицам доносить Военному совету фронта.

Такую практику прекратить и доносить мне ежедневно об обстановке, выполнении задачи о своём решении...»⁶³.

В личном архиве Л.М. Сандалова хранится письмо бывшего начальника оперативного отдела Б.С. Антропова, в котором тот откровенно свидетельствует:

«...Я пробыл в штабе 20-й армии с 28.11.41 по 7.1.42, и за это время я ни разу не видел командующего армией. Меня очень удивляло, что у командарма никогда не возникало к оперативному отделу вопросов, мне не приходилось его видеть ни в штабе, ни на улице. Я всегда считал, что он имел дело только с Вами – начальником штаба и не мог снизойти до его заместителя.

Один единственный раз, так сказать первый и последний, я увидел командарма, когда пришёл доложить о моём переводе в штаб 2-го гвардейского корпуса и проститься с ним. Был милостиво оставлен на чашку чая. Всё это заняло минут 20. Вот как!»⁶⁴.

В общем, вышеперечисленных доказательств вполне достаточно, для того чтобы утверждать: таким образом, генерал А.А. Власов до освобождения Волоколамска 20-й армией не командовал. Но не командовал не потому, что позже стал предателем, а потому что так удобно смог воспользоваться своей болезнью.

⁶² Генерал Сандалов. Там же.

⁶³ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 12. Л. 330.

⁶⁴ Генерал Сандалов. Там же.

У нас в народе не зря говорят, что дуракам везёт. В конкретном и частном случае Андрею Андреевичу тоже повезло. Отлеживаясь в номере гостиницы Центрального дома Красной армии со своей походно-полевой женой и оставляя автографы на приказах и распоряжениях, привезённых ему адъютантом (благо зимой 1941 года от центра Москвы до линии фронта можно было добраться на автомашине), он за реальные победы своей армии, к которым имел лишь официальное отношение, был награждён не только орденом Красного Знамени и повышен в звании до генерал-лейтенанта, но и кроме всего прочего стал «освободителем Москвы». И в этом нет ровным счётом ничего удивительного. К сожалению, так работала советская государственная система, где благодаря пропагандистской машине не всегда легко можно было отличить правду от лжи. Обидно лишь за тех, кто впоследствии по совершенно разным причинам оказался в тени обыкновенного предателя.

И теперь возникает вполне резонный вопрос: а мог ли начальник штаба армии Л.М. Сандалов по своему военному опыту заменить отсутствующего командующего?

Для этого необходимо просто сравнить военное образование двух генералов и их прохождение службы до назначения в 20-ю армию.

К слову сказать, начальник штаба был всего на год старше своего командующего (1900 г.р.). Его военное образование было следующим:

- Курсы комсостава (1920 г.);
- Киевская объединённая школа командиров (1926 г.);
- Военная академия им. М.В. Фрунзе (1934 г.);
- Академия Генштаба (1937 г.)⁶⁵.

Теперь посмотрим у Власова:

- Курсы комсостава (1920 г.);

⁶⁵ Генерал Сандалов. Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.